

М.А. Крупский

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (ОПЫТ РОССИИ)

Аннотация: В статье приведены результаты подробного анализа теорий Эмиля Дюркгейма и Роберта Мертона, посвященных феномену социальной аномии. Проведен обширный анализ причин тенденции употребления данного понятия в исключительно отрицательном смысле. В результате проведенных исследований сделан вывод о прямой зависимости общепринятого характера употребления понятия «аномия» от содержания категории «норма». Обоснована необходимость понимания последней, как динамично развивающейся категории, напрямую зависящей от доминирующей в конкретном обществе системы ценностей и сложившихся правил поведения. Проведен обширный анализ причин утверждения аномии в традиционном ее понимании на всех уровнях российской социальной системы. На основе данных отчетов неправительственных международных организаций, а также материалов независимых российских СМИ и российских общественных организаций сделан вывод об устоявшейся авторитарной тенденции развития российского общества. В результате этого сделан вывод о нивелировании в условиях российской социальной действительности закрепившегося за понятием аномии статуса «безнормности». Приведено обоснование необходимости качественно нового подхода к понятию «аномии». На примере современного российского общества сформулирован подход, согласно которому нормой нового порядка становится на социальном уровне — дезинтеграция социально-политической системы, подавление процесса развития институтов гражданского общества, направленное угнетение гражданской активности. На личностном уровне — атрофия индивидуального сознания. Исходя из этого сделан вывод, согласно которому аномия нового порядка будет характеризоваться предотвращением дальнейшего разложения социально-политической системы с одной стороны, и активным развитием институтов гражданского общества с другой. В качестве одного из путей реализации проекта аномии нового порядка предлагается уделить внимание развитию так называемого «третьего сектора».

Ключевые слова: Социология, аномия, гражданская, активность, авторитаризм, солидарность, норма, безнормность, девиантное, поведение

*Der Irrsinn ist bei Einzelnen etwas Seltenes, –
aber bei Gruppen, Parteien, Völkern, Zeiten die Regel.*

Friedrich Wilhelm Nietzsche¹

В 1893 году в работе «О разделении общественного труда» Эмиль Дюркгейм дал казавшее забытому термину «аномия» (*anomie*, *anotu*, *anomia*) новую жизнь. Не отойдя от традиционалистского его рассмотрения как «безнормности»²,

он понимал под ним отсутствие «регламентации отношений»³, «гармонического сотрудничества органов, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях»⁴. Аномия в этом смысле являла собой подрыв стройной структуры общества так называемо-

¹ «Безумие единиц – исключение, безумие же целых групп, партий, народов, времен – правило». Фридрих Вильгельм Ницше (1844-1900); (Прим. автора)

² Здесь и далее курсив мой. *Прим. авт.*

³ Дюркгейм Э., О разделении общественного труда / Пер. С фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с. – (История социологии в памятниках). С. 377.

⁴ Там же. С. 417.

го организованного типа, построенного на принципе органической солидарности, порожденной разделением труда. Принципе, согласно Дюркгейму, свойственным обществам прогрессивным, в которых индивидуальное сознание частично лишено регламентации со стороны сознания коллективного, в которых «всякий имеет свою собственную сферу действия, а следовательно, и личность»⁵.

В связи с этим, прежде всего, нам следовало бы обратиться к понятию *нормы* в дискурсе теории Дюркгейма. Вдохновленный с одной стороны потенциальными возможностями, обещанными активно развивающимся индустриализмом – «новой жизнью, как бы сразу вырвавшейся наружу»⁶, но еще не сумевшей полностью организовать, «прежде всего, так, чтобы удовлетворить потребность в справедливости»⁷, осознающий с другой стороны всю серьезность «болезненного состояния», продуцируемого глубокими изменениями, произошедшими в обществе в связи с освобождением от сегментарного типа, нивелированием соответствующей этому типу нравственности и невозможности достаточного быстрого развития нравственности, соответствующей типу организованному, Дюркгейм попытался найти выход в создании *нормы* – умозрительной, идеальной категории.

Заданные им критерии позволяют говорить о двумерной модели указанной категории, состоящей из уровней, которые условно можно назвать *социальным* и *индивидуальным*.

Социальный уровень

Нормальное состояние социальной системы характеризуется, по Дюркгейму, построением взаимодействия между социальными институтами – на принципе «гармонического сотрудничества», между индивидами – на принципе *солидарности*. Последняя суть результат самопроизвольного разделения труда – «абсолютного равенства во внешних условиях борьбы»⁸, при котором «общество устроено таким образом, что общественное неравенство

точно выражает естественное неравенство»⁹. Основным условием солидарности, таким образом, выступает «искусная организация, где каждая социальная ценность, не будучи ни преувеличена, ни уменьшена ничем посторонним, оценивается по настоящему своему значению»¹⁰, где индивиды «не только не принуждаются насильно к определенным функциям»¹¹, но также имеют возможность свободно занимать то место в социальной среде, которое соответствует их способностям. В основу солидарности Дюркгейм при этом кладет возникновение (вследствие разделения труда) между людьми *системы прав и обязанностей*, «надолго связывающих их друг с другом»¹².

Индивидуальный уровень

В экзистенциальном измерении понятие нормы связывается с осмысленным выполнением индивидом своей социальной роли, порожденной разделением труда – «каждая специальная функция требует, чтоб индивид не замыкался в ней совсем, но чтобы он поддерживал постоянные связи с соседними функциями, осознавал их нужды, происходящие в них изменения и т.д.»¹³. Только в этом случае индивид имеет представление о том, что его действия направлены «куда-то к цели, которую он различает более или менее ясно. Он чувствует, что он служит чему-то»¹⁴.

В противном случае, когда индивид «не знает, чему служат операции, которых от него требуют, если он не связывает их ни с какой целью»¹⁵, его ожидает то, что Дюркгейм называл «уничтожением человеческой природы»¹⁶ – «это уже не живая клетка живого организма, непрерывно вибрирующая при соприкосновении с соседними клетками, действующая на них и отвечающая в свою очередь на их действия <...>. Это – лишь инертное колесо,

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Дюркгейм Э., О разделении общественного труда / Пер. С фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с. – (История социологии в памятниках). С. 417.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 386.

⁹ Там же. С. 385.

¹⁰ Дюркгейм Э., О разделении общественного труда / Пер. С фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с. – (История социологии в памятниках). С. 417.

¹¹ Там же. С. 385

¹² Там же. С. 415.

¹³ Там же. С. 381.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 380.

¹⁶ Там же.

приводимое в действие внешней силой и движущееся постоянно в одном направлении и одним и тем же образом»¹⁷.

Понятие *нормы* на индивидуальном уровне в парадигме Дюркгейма, таким образом, также фундировано уже обозначенным выше принципом *солидарности*.

Резюмируя, следует отметить, что по Дюркгейму норма есть *солидарное сотрудничество всех элементов социальной системы, в первую очередь индивидов, осуществляющееся определенными способами*¹⁸ в условиях абсолютного равенства возможностей. Аномией в таком случае будет являться такое состояние социальной системы, или ее отдельных элементов, которое будет лишено хотя бы одного из указанных выше признаков.

Попытавшись уйти от абстрактных категорий, последователь традиции рассмотрения аномии, как феномена исключительно отрицательного, американский социолог Роберт Мертон в своих исследованиях решил уделить основное внимание функциональному анализу проблемы. Описывая аномию, как состояние, при котором существует «расхождение между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений»¹⁹, он указывал:

«Иногда культура может подталкивать индивидов к сосредоточению их эмоциональных убеждений на комплексе перевозносимых культурой целей, но при гораздо меньшей эмоциональной поддержке предписанных способов продвижения к этим целям. При таком различии в акцентировании целей и институциональных процедур последние могут быть настолько ослаблены перевознесением целей, что поведение многих индивидов будет полностью ограничиваться соображениями технической целесообразности. В этом контексте единственно важным становится вопрос: какая из доступных процедур наиболее эффективна в деле заполучения культурно одобренной ценно-

сти. Наиболее эффективной в техническом плане процедуре — вне зависимости от того, что узаконена она культурой или нет, — как правило, начинают отдавать предпочтение перед институционально предписанным поведением. По мере продолжающегося размывания институциональных норм общество становится нестабильным, и в нем появляется то, что Дюркгейм назвал «аномией» (или безнормностью)²⁰.

Тем не менее, рассматривая явление аномии в своей теории скорее как весьма существенное дополнение к основному предмету изучения — феномену девиантного поведения, Мертон акцентирует внимание не только на социологическом, но и на так называемом психологическом понятии аномии, связанном с первым как часть и целое. Используя формулировку другого американского социолога — Р.М. МакИвера, он указывает, что аномия есть также «состояние ума человека, у которого подорваны корни его морали, у которого нет больше каких-либо норм, но только несвязные побуждения, у которого нет больше каких-либо представлений о целостности, о народе, о долге. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой, не отвечающим ни перед кем. <...> Аномия является состоянием ума, в котором человеческое восприятие социальной сплоченности — движущая пружина его морального состояния — разрушено или фатально ослаблено»²¹. Нетрудно заметить, что речь здесь также идет об отсутствии *солидарности*. Принципа, как мы выяснили выше, рассматриваемого Дюркгеймом ранее в качестве основополагающего для нормального состояния социальной системы.

Более детальное изучение мертоновской концепции феномена аномии приводит нас к следующему. Окружение, в котором находится индивид, включает в себя две составляющие: *культурную* и *социальную структуры*. Первая может быть определена, как формирующая «ряд нормативных ценностей, регулирующих поведение, общее для членов определенного общества или группы»²². Вторая — формирующая «ряд социальных отношений, в которые члены общества

¹⁷ См.: Дюркгейм Э., О разделении общественного труда / Пер. С фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. — М.: Канон, 1996. — 432 с. — (История социологии в памятниках). С. 380.

¹⁸ Там же. С. 373-374.

¹⁹ Роберт Мертон., Социальная теория и социальная структура — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873, [7] с. С. 247.

²⁰ Роберт Мертон., Социальная теория и социальная структура — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873, [7] с. С. 248.

²¹ Там же. С. 283.

²² Роберт Мертон., Социальная теория и социальная структура — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873, [7] с. С. 284.

или группы различным образом включены»²³. Когда обе они недостаточно интегрированы, и «в первой содержатся требования к поведению, которым препятствует вторая, возникает стремление к нарушению норм, к их отсутствию»²⁴. Аномией при этом будет являться «распад в культурной структуре, происходящий в особенности тогда, когда существует острое расхождение между культурными нормами и целями и социально структурированными возможностями членов групп действовать в соответствии с данными нормами культуры»²⁵.

Еще одним крайне интересным для нас элементом теории Мертона является описание им процесса расширения степени аномии внутри социальной системы. Как мы увидим позднее, в контексте идей, изложенных в настоящей статье, этот процесс будет иметь принципиальное значение. Итак, как уже было указано выше, Мертон не случайно поставил возникновение и развитие девиантного поведения в зависимость от патологического состояния социальной системы, именуемого аномией. Действительно, эти два явления тесно взаимосвязаны: «Имея объективно не выгодную позицию в группе, а также различные личные особенности, некоторые люди более, чем другие, подвержены напряжению, возникающему из расхождения между культурными целями и эффективным способом их реализации. Они являются, следовательно, более восприимчивыми для девиантного поведения. В некоторой части случаев, зависящих еще от управляющей структуры группы, эти отклонения от институциональных норм социально вознаграждаются «успешным» достижением цели. Но эти девиантные способы достижения цели происходят в социальной системе. Девиантное поведение, следовательно, влияет не только на людей, которые сами включаются в него, но некоторым образом также влияют на других людей, с которыми они взаимосвязаны в системе.

Возрастающая частота девиантного, но «успешного» поведения стремится преуменьшить и (как крайняя возможность) отменить законность институциональных норм для других в системе. Таким образом, этот процесс расширяет степень аномии внутри системы настолько, что другие люди, которые не реагировали в форме девиантного поведения при от-

носителем слабой аномии, сталкиваясь с первыми, начинают поступать таким же образом, так аномия распространяется и интенсифицируется. Это, в свою очередь, создает более острую аномическую ситуацию для остальных первоначально менее восприимчивых людей в социальной системе. Таким образом, аномия и возрастающая интенсивность девиантного поведения могут быть поняты как взаимодействие в процессе социальной и культурной динамики, с кумулятивно нарастающими разрушительными последствиями для нормативной структуры, если не введены в действие противостоящие механизмы контроля»²⁶.

В дискурсе Мертона, таким образом, норма есть на социальном уровне — нахождение в интегрированном состоянии культурной и социальной структур, выражающееся в соответствии между продуцируемыми культурой целями и социально приемлемыми способами их достижения; на индивидуальном уровне — состояние индивида, в соответствии с которым он испытывает чувство солидарности, социальной сплоченности по отношению к другим элементам социальной системы. Из чего следует, что Мертону хоть и удалось в некоторой степени избавиться от своеобразной абстрактности, столь присущей терминологии Дюркгейма, он, тем не менее, лишь закрепил за понятием нормы статус идеальной категории, а вместе с ним и сугубо отрицательный характер аномии.

В этой связи прежде, чем мы перейдем к непосредственному рассмотрению вопроса относительно переосмысления феномена социальной аномии, нам следовало бы обратиться к этимологии самого этого термина. В некоторых источниках²⁷ говорится о том, что в древнегреческом языке *anomos* (α – отрицательная частица, *nomos* (νόμος) – закон) означает «незаконный», «вне нормы», «неуправляемый». Ту же или, по крайней мере, близкую по смыслу трактовку этого понятия можно встретить и в целом ряде словарных и энциклопедических определений²⁸. Аномия,

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Роберт Мертон., Социальная теория и социальная структура — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873, [7] с. С. 304-306.

²⁷ См., например, Ш. Туркиаивили, В. Горозия. «Понятие аномии и попытки его модификации» \ \ Научно-просветительский журнал «СКЕПСИС». URL: http://scepsis.ru/library/id_634.html (дата обращения: 01.05.2012).

²⁸ См., например, Социальная психология. Словарь / под ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко;

таким образом, понимается как отрицание некоего сформировавшегося во времени и социальном пространстве *закона*. При этом последнему, как можно увидеть из указанных источников, неизменно присваивается положительное значение. И именно в этом, на наш взгляд, кроется основная причина традиционного рассмотрения аномии, как однозначно отрицательного понятия.

В самом деле, если мы будем рассматривать закон (*норму*), как безусловно положительную категорию, нам ничего не останется, как закрепить за аномией безусловно отрицательное значение. Однако, всегда ли норма, как категория социологического дискурса имеет положительное значение? Мы позволим себе в этом усомниться.

Прежде всего, необходимо обратить внимание, что νόμος в древнегреческом языке понимается не только, как «закон», но также, как «обряд» и «обычай»²⁹. Это обстоятельство, в свою очередь, имеет для нас принципиальное значение. Оно позволяет говорить о том, что сам термин «закон» (*норма*) применительно к понятию аномии следует понимать скорее в этическом, нежели в физическом смысле. Другими словами, обращаясь к изложенному в Толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова определению, как «*общеобязательное и непреложное правило*», «*сложившиеся нравственные устои, нормы*», но отнюдь не как «не зависящую ни от чьей воли, объективно наличествующую непреложность, заданность, сложившуюся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром»³⁰. На наш взгляд, признаки именно этого, последнего, определения содержат в себе рассмотренные выше фор-

мулировки понятия нормы, введенные Дюркгеймом и Мертоном. Как было нами показано, норме, как категории, в их концепциях свойственен характер объективной заданности, отчужденности от социальной реальности — она является лишь идеалом, а не реально существующим здесь-и-сейчас правилом, состоянием как-должно-быть, а не как-есть-на-самом-деле, в абсолютно конкретном обществе, находящемся на абсолютно конкретном этапе своего социального развития.

Позволив себе не согласиться с таким подходом, мы будем рассматривать норму, применительно к проблеме социальной аномии, как категорию пластичную, динамично развивающуюся, напрямую зависящую от доминирующей в конкретном обществе системы ценностей и сложившихся правил поведения. Мы надеемся, что это, в свою очередь, позволит нам взглянуть с принципиально иной точки зрения на феномен социальной аномии и, возможно, приведет в конечном итоге к избавлению от догматичного ее восприятия, как категории, носящей сугубо отрицательный характер.

В целях настоящего исследования нам необходимо будет рассмотреть понятие нормы в условиях *современного российского общества*. Следовательно, прежде всего, следует определиться, что именно мы понимаем под этим термином.

Говоря о современном российском обществе, мы считаем, что наиболее актуальными для целей настоящего исследования будут являться период 90-х годов XX века, как содержащий в себе совершенно очевидные, на наш взгляд, предпосылки для возникновения аномии в традиционном ее понимании в российской социальной системе, а также период первого десятилетия 2000-х годов века XXI, поскольку социально-политические изменения, происходившие на всем его протяжении (и продолжающие происходить в настоящее время), сыграли, на наш взгляд, решающую роль в процессе окончательного утверждения аномии в традиционном ее понимании во всех слоях социальной системы страны, тем самым фактически, как мы постараемся показать ниже, приведя к нивелированию закрепившегося за понятием аномии статуса «безнормности». При этом необходимо особо подчеркнуть, что указанные два периода в своем отношении к проблеме социальной аномии принципиально различны. В то время, как первый можно назвать периодом *явной социальной аномии*, второй отличается *латентностью происходящих в социальной системе процес-*

под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 176 с.; Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.; Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.

²⁹ См.: П. Травни. «Сократ или рождение политической философии (1)» \ \ Журнал современной философии «Сократ». URL: <http://www.sokrat-online.ru/page/sokrat-ili-rozhdenie-politicheskoy-filosofii-1> (дата обращения: 01.05.2012).

³⁰ См.: Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

сов, ранее однозначно отнесенных бы социологами к категории аномических. Заметим, что последний рассмотренный здесь период представляет в контексте настоящего исследования особый интерес.

«Не разобравшись в сложном комплексе социально-экономических проблем и противоречий, сформировавшихся в нашем обществе на протяжении практически всего XX века, можно ожидать лишь усугубления ситуации от процесса внедрения западных «инноваций» и рекомендаций, которые все чаще оборачиваются глубокими социальными разочарованиями»³¹ – совершенно справедливо указывает в своей монографии И.А. Мальковская. С началом 1990-х годов у российского общества, как известно, было связано множество надежд. Некоторые из них, такие, как возможность потребления материальных благ, поставляемых Западом, вполне успешно оказались реализованы. Однако, реализация других, таких, например, как создание политической системы общества, отвечавшей бы требованиям фактической, а не формальной многопартийности, свободы слова и СМИ, легитимности принимаемых представителями государственной власти решений, верховенства фундаментальных принципов права с последующей возможностью построения подлинного правового государства, оказалась под вопросом. Российское общество периода «перестройки» по вполне объективным причинам было не в состоянии резко сменить координаты своего развития – «социальные и экономические процессы, которые сложились в СССР, были настолько специфическими, что вряд ли могли быть перестроены за «пятьсот дней» во времена «перестройки» <...>. Идеология и политическая ангажированность опрокинули трезвые подходы и рекомендации, связанные с реформированием общества»³². Нельзя, таким образом, не согласиться с И.А. Мальковской относительно того, что «многие беды российского общества коренятся не только в том, что мы не выработали российской модели постиндустриализма, но и в отсутствии модели переходного периода. Модель перехода к новому этапу развития должна как минимум учитывать социально-экономическое своеобразие исторического наследия, в том числе, и наследия социализма; ментальность, сформировавшуюся

на его основе; административный ресурс как двигатель инноваций (через поэтапные перестройки, но не разрушение «до основания»); мобилизационный фактор, как решающий элемент прорыва в новое состояние людских масс»³³.

Результатом отсутствия модели переходного периода российского общества явился стремительный рост аномии, вобравшей в себя весь комплекс признаков, описанных нами выше, и выразившейся, прежде всего, в беспрецедентном развитии преступности, затронувшей тем или иным образом все слои социальной системы. Модель преступного поведения, весьма быстро доказывая свою «успешность», становилась постепенно все более привлекательной, способствуя развитию процесса распространения и интенсификации аномии. Вкупе с доказавшей свою недееспособность системой органов государственной власти, дезинтеграцией социально-экономической структуры, этот процесс привел в результате к тому, что к концу XX века Россия стала представлять собой «слабо централизованную и управляемую» территорию, «на которой вместо консолидируемых действий гражданского сообщества, выживают изолированные, дисперсные индивиды, руководствующиеся двумя известными со времен античности этическими правилами: индивидуального спасения и личного интереса»³⁴.

Начало 2000-х годов, ознаменовавшееся для российского общества как экономическим, так и социально-политическим кризисом, явилось зарей нового периода развития российской истории. На волне нестабильности, царившей на всех уровнях социальной, политической и экономической системы, к власти пришли новые лидеры. В результате в состав политической «элиты» страны вошло довольно значительное количество представителей российских спецслужб, имевших свои планы на дальнейшее развитие общества и государства. Взрывы жилых домов в Буйнакске, Волгодонске и Москве 4-16 сентября 1999 года, практически совпавшие с началом второй чеченской кампании, официально носившей название «контртеррористической операции»³⁵, послужили

³¹ И.А. Мальковская, «Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации». Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 280 с. С. 79.

³² Там же. С. 84.

³³ И.А. Мальковская, «Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации». Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 280 с. С. 80.

³⁴ Там же. С. 185.

³⁵ См.: Указ Президента РФ от 23 сентября 1999 года № 1225с «О мерах по повышению эффективности контртер-

ли одним из основных поводов для начала процесса вертикализации государственной власти. Ряд принятых в этом направлении мер привел к тому, что 13 сентября 2004 года, российским руководством было принято весьма знаковое решение – выступая на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов Российской Федерации, тогда еще Президент России Владимир Путин выступил за ликвидацию института свободных выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, заменив его избранием по представлению главы государства³⁶. Позже были также отменены форма голосования против всех кандидатов³⁷ и минимальный порог явки на выборах всех уровней³⁸.

Процесс постепенного выхолащивания принципа свободных выборов — одной из форм высшего непосредственного выражения власти народа³⁹, является лишь одним из признаков общей авторитаризации российской социально-политической системы. Другим явным показателем этой тенденции явились нарушения в области свободы слова и средств массовой информации. Самыми вопиющими событиями при этом, безусловно, следует считать преследования российских журналистов и представителей общественных организаций, наиболее известными из которых стали убийства Анны Политковской, Натальи Эстемировой, Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой. Весьма показательными в этом отношении представляются отчеты международных неправительственных организаций. Так, например,

рористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/184295/> (дата обращения: 01.05.2012).

³⁶ Выступление Президента России Владимира Путина на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов РФ 13 сентября 2004 г. // «Независимая газета», 14.09.2004 г. URL: http://www.ng.ru/politics/2004-09-14/1_speech.html (дата обращения: 01.05.2012).

³⁷ Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) от 15.07.2006 года. URL: <http://www.rg.ru/2006/07/15/golosovanie.html> (дата обращения: 01.05.2012).

³⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 05.12.2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс». URL: <http://www.rg.ru/2006/12/07/vyboгу-izm.html> (дата обращения: 01.05.2012).

³⁹ См.: ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации.

по данным международной неправительственной организации «Репортеры без границ» (*Reporters sans frontières*) Россия в 2010 году занимала 140-е место из 178 возможных по уровню развития свободы слова, расположившись между Эфиопией (139) и Малайзией (141)⁴⁰. В соответствии же с так называемым «Индексом безнаказанности», представленным другой международной неправительственной организацией «Комитет защиты журналистов» (Committee to Protect Journalists), Россия заняла 9-е место из 13-ти (чем выше место, тем хуже ситуация в стране), заняв позицию между Мексикой (8) и Пакистаном (10)⁴¹. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в указанный рейтинг вошли только те страны, список нераскрытых убийств журналистов которых в период с 2001 по 2010 гг. насчитывает более пяти, а именно: Ирак, Сомали, Филиппины, Шри Ланка, Колумбия, Афганистан, Непал, Бангладеш, Бразилия, Индия. Перечень указанных стран, на наш взгляд, также является весьма показательным.

Еще одним репрезентативным феноменом последнего десятилетия российской истории является ужесточение репрессивных мер со стороны органов исполнительной власти в области реализации гражданами своего конституционного права на свободу собраний⁴². Недавняя ситуация, сложившаяся вокруг выступлений оппозиции 5 и 6 декабря 2011 г. на Чистых прудах и Триумфальной площади в Москве против результатов проведенных накануне выборов в государственную думу Российской Федерации, лишний раз подтверждает указанный выше тезис^{43, 44}.

⁴⁰ Press Freedom Index 2010. Reporters Without Borders. URL: http://en.rsf.org/spip.php?page=classement&id_rubrique=1034 (дата обращения: 01.05.2012).

⁴¹ CPJ's 2011 Impunity Index spotlights countries where journalists are slain and killers go free. Special Reports. Getting Away With Murder. Committee to Protect Journalists. URL: <http://www.cpj.org/reports/2011/06/2011-impunity-index-getting-away-murder.php#index> (дата обращения: 01.05.2012).

⁴² См.: ст. 31 Конституции Российской Федерации.

⁴³ Надежда Прусенкова, «События 5-6 декабря. Как согласованный митинг оппозиции превращался в революцию, но не превратился (хроника событий) // «Новая газета», 05.12.2011 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49879.html> (дата обращения: 01.05.2012).

⁴⁴ Наталия Зотова, «События вечера 6 декабря. Митинг оппозиции на Триумфальной площади» // «Новая газета», 06.12.2012 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49893.html> (дата обращения: 01.05.2012).

Отличительным признаком первого десятилетия 2000-х годов в России, на наш взгляд, является также резкий рост ксенофобии⁴⁵. Так, в одном из докладов Информационно-аналитического центра «СОВА», в частности, говорится: «Не снижается активность праворадикальных организаций. Они не только проводят многочисленные скоординированные акции, но и деятельно участвуют в провоцировании этнических конфликтов и массовых беспорядков, а также выступают активными ньюсмейкерами, завоевывая медиaprостранство. Давление на эти организации со стороны правоохранительных и иных государственных органов, призванных следить за их деятельностью, по-прежнему слабо <...>».

Зачастую представители государства, проправительственные партии и организации сами выступают действующими лицами в провоцировании массовых ксенофобных настроений⁴⁶.

Следует отметить, что проявление дезинтеграции российского общества последнего десятилетия, безусловно, не исчерпывается изложенными выше процессами. Однако, не имея возможности остановиться более подробно на этой проблеме в рамках настоящего исследования, мы позволим себе ограничиться констатацией факта глубокого проникновения аномических процессов в традиционном их понимании во все сферы российской социально-политической системы, основываясь на уже изложенных обстоятельствах.

Сравнивая два рассмотренных нами периода развития современного российского общества в контексте понимания *нормы*, можно сделать вывод, что период 1990-х годов, в особенности первая его по-

ловина, еще несущая в себе отголоски системы ценностей предыдущего периода развития, в значительной степени отражает все признаки понятия нормы, сформулированные Дюркгеймом и Мертоном. Аномия же, вполне закономерно рассматривается, как явление негативное, способствующее процессу распада социальной системы, представляющее угрозу для самого ее существования.

Изменения же, происходящие в российском обществе, относящиеся к 2000-х годам, фактически меняют содержание этого понятия. Нормой, в смысле общеобязательного и непреложного правила, на социальном уровне становятся: нивелирование принципа разделения властей — законодательная и судебная ветви власти фактически оказываются подчинены жесткому давлению со стороны исполнительной власти; полная атрофия избирательной системы, системы органов местного самоуправления — принцип непосредственного осуществления власти народом оказывается попуран в результате окончательного утверждения вертикали власти, вырождающейся в конечном итоге в режим так называемого «ручного управления»; корпоративизм в экономической политике государства, феномен «чеболизации» российской экономики — по данным организации Heritage Foundation Россия занимает 144 место из 179 возможных по Индексу экономической свободы (Index of Economic Freedom) за 2012 год, войдя в список стран с преимущественно несвободной экономикой⁴⁷; деградация российской системы образования, как на уровне общего, так и высшего профессионального образования — например, по итогам международного тестирования PISA за 2010 год старшеклассники России по владению национальным языком оказались на 43-м месте из 65 возможных⁴⁸; утверждение коррупции на всех уровнях социально-политической системы страны — по данным неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией «Transparency International» Россия в 2010 году по Индексу восприятия коррупции заняла 154 место

⁴⁵ См., например: Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году: Сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА» / [А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева]. — М.: Центр «Сова», 2008. — 151 с.: табл. (Научное издание) URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/pr08-text.pdf> (дата обращения: 01.05.2012); Кожевникова Галина Владимировна. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007-2008 годов. — М.: Центр «Сова», 2008 год. — 136 с.: табл. (Научное издание).

⁴⁶ Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году: Сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА» / [А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева]. — М.: Центр «Сова», 2008. — 151 с.: табл. (Научное издание). С. 5. URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/pr08-text.pdf> (дата обращения: 01.05.2012).

⁴⁷ The Index of Economic Freedom 2012. The Heritage Foundation, 2012. URL: <http://www.heritage.org/Index/Ranking.aspx> (дата обращения: 01.05.2012); URL: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info> (дата обращения: 01.05.2012).

⁴⁸ Елена Дьякова, «Чупа-чупс для Зойки Смодемьянской» // «Новая газета», 27.08.2011г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/48238.html> (дата обращения: 01.05.2012).

из 178 возможных, разделив эту позицию с такими государствами, как Камбоджа, Конго, Папуа-Новая Гвинея, Кения и д.р.⁴⁹

На индивидуальном уровне понятие нормы складывается из прямой противоположности тем, которые фигурировали в дискурсе Дюркгейма и Мертона. В условиях нормы нового порядка, сформировавшейся на социальном уровне, в экзистенциальном измерении нормальным стало состояние перманентной фрустрации и страха перед неопределенностью завтрашнего дня. Вовбрав в себя все отличительные черты канцелярии кафкианского «Процесса», российская социально-политическая система последнего десятилетия практически не оставила индивиду выбора. Все острее ощущающий свою неспособность повлиять на происходящие внутри государства процессы, он, в конечном итоге воплотил в себе описанные МакИвером признаки аномичного человека, лишённого представлений о целостности, народе и долге, утратившим на фоне жалких попыток построения новой национальной идеи восприятие социальной сплоченности.

Резюмируя, отметим, что понятие нормы в условиях современного российского общества, как на социальном, так и на индивидуальном уровнях резко отличается от традиционного его рассмотрения. *Нормой нового порядка является с одной стороны дезинтеграция российской социально-политической системы, подавление процесса развития институтов гражданского общества, фактическое утверждение авторитаризма, а также направленное угнетение гражданской активности населения. С другой стороны, несмотря на многообразие социальных групп, входящих в состав российской социальной системы, нормальной становится атрофия индивидуального самосознания. Лидирующим принципом деятельности становится «успешность», не гнушающаяся нивелированием институционально приемлемого достижения поставленных целей, в результате чего происходит качественное изменение отношения к девиантному поведению, фактически переходящему в категорию нормального.*

⁴⁹ Рейтинг восприятия коррупции в странах мира. 2010 год. Transparency International. URL: <http://ria.ru/infografika/20101027/289524140.html> (дата обращения: 01.05.2012).

Таким образом, нам остается лишь рассмотреть вопрос относительно содержания самого феномена социальной аномии в контексте описанных выше процессов.

Как нами уже было указано, социальная аномия является ни чем иным, как отрицанием существующей в данном конкретном обществе нормы — общеобязательных и непреложных правил, сложившихся нравственных устоев. В нашем случае, следовательно, *аномией нового порядка будет являться процесс, направленный на ликвидацию последствий разложения российской социально-политической системы, предотвращение дальнейшего развития и утверждения авторитаризма, пресечение устойчивого роста коррупции, и вместе с тем способствующий созданию и активному развитию институтов гражданского общества, осознанию индивидом острой необходимости выработки собственной гражданской позиции, созданию предпосылок для реализации проекта подлинного правового государства.*

Одним из первых шагов на пути к реализации указанных задач принципиально иной аномии, на наш взгляд, может являться развитие неправительственных, общественных организаций, лишённых политической ангажированности. Необходимо при этом отметить, что несмотря на то, что в российском обществе степень активного включения общественных организаций в решение вопросов управления по-прежнему остается крайне небольшой, уже сейчас существуют примеры весьма успешного их функционирования⁵⁰. Дальнейшее же развитие так называемого «третьего сектора», на наш взгляд, позволит не только решить целый ряд обозначенных выше проблем современного российского общества и государства, но также выведет нашу страну на качественно новый уровень развития.

⁵⁰ См., например: Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». URL: <http://www2.memo.ru/> (дата обращения: 01.05.2012); Ассоциация некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей «ГОЛОС». URL: <http://www.golos.org/> (дата обращения: 01.05.2012); Общественная благотворительная организация помощи вынужденным мигрантам «Комитет «Гражданское содействие». URL: <http://refugee.ru/> (дата обращения: 01.05.2012); Проект «Гражданин Наблюдатель». URL: <http://nabludatel.org/> (дата обращения: 01.05.2012); Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь». URL: <http://www.podari-zhizn.ru/main> (дата обращения: 01.05.2012) и д.р.

Библиография:

1. CPJ's 2011 Impunity Index spotlights countries where journalists are slain and killers go free. Special Reports. Getting Away With Murder. Committee to Protect Journalists. URL: <http://www.cpj.org/reports/2011/06/2011-impunity-index-getting-away-murder.php#index> (дата обращения: 01.05.2012).
2. Press Freedom Index 2010. Reporters Without Borders. URL: http://en.rsf.org/spip.php?page=classement&id_rubrique=1034 (дата обращения: 01.05.2012).
3. The Index of Economic Freedom 2012. The Heritage Foundation, 2012. URL: <http://www.heritage.org/Index/Ranking.aspx> (дата обращения: 01.05.2012); URL: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info> (дата обращения: 01.05.2012).
4. Выступление Президента России Владимира Путина на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов РФ 13 сентября 2004 г. // «Независимая газета», 14.09.2004 г. URL: http://www.ng.ru/politics/2004-09-14/1_speech.html (дата обращения: 01.05.2012).
5. Дюркгейм Э., О разделении общественного труда / Пер. С фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. — М.: Канон, 1996. — 432 с. — (История социологии в памятниках).
6. Елена Дьякова, «Чупа-чупс для Зойки Смодемьянской» // «Новая газета», 27.08.2011 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/48238.html> (дата обращения: 01.05.2012).
7. И.А. Мальковская, «Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации». Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 280 с.
8. Кожевникова Галина Владимировна. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007-2008 годов. — М.: Центр «Сова», 2008 год. — 136 с.: табл. (Научное издание).
9. Конституция Российской Федерации. — М.: Издательство «Омега-Л», 2010. — 39 с.
10. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году: Сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА» / [А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева]. — М.: Центр «Сова», 2008. — 151 с.: табл. (Научное издание). URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/pr08-text.pdf> (дата обращения: 01.05.2012).
11. Надежда Прусенкова, «События 5-6 декабря. Как согласованный митинг оппозиции превращался в революцию, но не превратился (хроника событий)» // «Новая газета», 05.12.2011 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49879.html> (дата обращения: 01.05.2012).
12. Наталия Зотова, «События вечера 6 декабря. Митинг оппозиции на Триумфальной площади» // «Новая газета», 06.12.2012 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49893.html> (дата обращения: 01.05.2012).
13. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.
14. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
15. П. Травни. «Сократ или рождение политической философии (1)» // Журнал современной философии «Сократ». URL: <http://www.sokrat-online.ru/page/sokrat-ili-rozhdenie-politicheskoy-filosofii-1> (дата обращения: 01.05.2012).
16. Рейтинг восприятия коррупции в странах мира. 2010 год. Transparency International. URL: <http://ria.ru/infografika/20101027/289524140.html> (дата обращения: 01.05.2012).
17. Роберт Мертон., Социальная теория и социальная структура — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873, [7] с.
18. Социальная психология. Словарь / под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 176 с.
19. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.
20. Ш. Туркиашвили, В. Горозия. «Понятие аномии и попытки его модификации» // Научно-просветительский журнал «СКЕПСИС». URL: http://scepsis.ru/library/id_634.html (дата обращения: 01.05.2012).
21. Указ Президента РФ от 23 сентября 1999 года № 1225с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории

Северо-Кавказского региона Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/184295/> (дата обращения: 01.05.2012).

22. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) от 15.07.2006 года. URL: <http://www.rg.ru/2006/07/15/golosovanie.html> (дата обращения: 01.05.2012).
23. Федеральный закон Российской Федерации от 05.12.2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс». URL: <http://www.rg.ru/2006/12/07/vybory-izm.html> (дата обращения: 01.05.2012).

References (transliteration):

1. Dyurkgeym E., O razdelenii obshchestvennogo truda / Per. S fr. A.B. Gofmana, primechaniya V.V. Sapova. – М.: Kanon, 1996. – 432 s. – (Istoriya sotsiologii v pamyatnikakh).
2. Elena D'yakova, «Chupa-chups dlya Zoyki Smodem'yanskoy» // «Novaya gazeta», 27.08.2011g. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/48238.html> (дата обращения: 01.05.2012).
3. I.A. Mal'kovskaya, «Mnogolikiy Yanus otkrytogo obshchestva: Opyt kriticheskogo osmysleniya likov obshchestva v epokhu globalizatsii». Izd. 2-e, ispr. i dop. – М.: Izdatel'stvo LKI, 2008. – 280 s.
4. Kozhevnikova Galina Vladimirovna. Yazyk vrazhdy i vybory: federal'nyy i regional'nyy urovni. Po materialam monitoringa oseni-zimy 2007-2008 godov. – М.: Tsentri «Sova», 2008 god. – 136 s.: tabl. (Nauchnoe izdanie).
5. Ksenofobiya, svoboda sovesti i antiekstremizm v Rossii v 2007 godu: Sbornik ezhegodnykh dokladov Informatsionno-analiticheskogo tsentra «SOVA» / [A.M. Verkhovskiy, G.V. Kozhevnikova, O.A. Sibireva]. – М.: Tsentri «Sova», 2008. – 151 s.: tabl. (Nauchnoe izdanie). URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/pr08-text.pdf> (дата обращения: 01.05.2012).
6. Nadezhda Prusenkova, «Sobytiya 5-6 dekabrya. Kak soglasovanny miting oppozitsii prevrashchalsya v revolyutsiyu, no ne prevratilsya (khronika sobytii) // «Novaya gazeta», 05.12.2011g. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49879.html> (дата обращения: 01.05.2012).
7. Nataliya Zotova, «Sobytiya vechera 6 dekabrya. Miting oppozitsii na Triumfal'noy ploshchadi» // «Novaya gazeta», 06.12.2012g. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49893.html> (дата обращения: 01.05.2012).
8. Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 tt. М.: Mysl'. Pod redaktsiyey V. S. Stepina. 2001.
9. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova — 4-e izd., dopolnennoe. — М.: Azbukovnik, 1999. — 944 s.
10. P. Travni. «Sokrat ili rozhdenie politicheskoy filosofii (1)» // Zhurnal sovremennoy filosofii «Sokrat». URL: <http://www.socrat-online.ru/page/sokrat-ili-rozhdenie-politicheskoy-filosofii-1> (дата обращения: 01.05.2012).
11. Robert Merton., Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura — М.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2006. – 873, [7] s.
12. Sotsial'naya psikhologiya. Slovar' / pod. red. M.Yu. Kondrat'eva // Psikhologicheskii leksikon. Entsiklopedicheskiy slovar': V 6 t. / red.-sost. L.A. Karpenko; pod obshch. red. A.V. Petrovskogo. — М.: PER SE, 2006. — 176 s.
13. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — М.: Sovetskaya entsiklopediya. Gl. redaktsiya: L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. 1983.
14. Sh. Turkiashvili, V. Goroziya. «Ponyatie anomii i popytki ego modifikatsii» // Nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal «SKEPSIS». URL: http://scep sis.ru/library/id_634.html (дата обращения: 01.05.2012).